

Прошел уже месяц, а я все не могу поверить, что Сола Нудельмана больше нет. Я был на похоронах и на поминках, принес пастилы по просьбе его сына... Но боль утраты мешала осознать масштабы потери.

Нудельман все время размышлял о своих будущих похоронах и однажды признался: “Знаешь, по мне, конечно, лучше кремация, чем погребение, не говорю уж, чем выходные с миссис Нудельман”. Так он и решил: велел себя кремировать, а прах завещал Гейдельбергскому университету, который развеял его по ветру и получил обратно залог за урну.

Как живой стоит он у меня перед глазами. Мягкий костюм, серый свитер. Вечно погруженный в раз-

мышления, Нудельман частенько надевал пиджак вместе с вешалкой. Как-то раз на церемонии в Принстоне я заговорил с ним об этом. Нудельман улыбнулся: “Что ж, пусть те, кому не по душе мои мысли, считают, что у меня, по крайней мере, широкие плечи”. Два дня спустя он встречался со Стравинским и посреди беседы внезапно совершил кувырок через голову. Его ненадолго госпитализировали.

Вообще, понять Нудельмана было нелегко. Его замкнутость часто принимали за равнодушие. Между тем мало кто был так способен к состраданию. Однажды он увидел по телевизору репортаж о чудовищной катастрофе на угольной шахте и не смог закончить вторую порцию мороженого. Кого-то отталкивала молчаливость Нудельмана, а он просто считал речь слишком несовершенным средством общения и предпочитал вести даже самые задушевные разговоры при помощи сигнальных флажков.

Когда из-за разногласий с руководством Нудельмана уволили из Колумбийского университета, он взял выбивалку для ковров, дождался ректора (им был тогда Дуайт Эйзенхауэр) и выбивал до тех пор, пока прославленный генерал не спрятался в магазине игрушек. (Причиной их жестокой публичной ссоры был звонок: один утверждал, что звонок означает конец пары, а другой — что начало.)

Нудельман мечтал о легкой смерти. “Среди своих книг и рукописей, — говорил он. — Как Йохан”. (Брат Нудельмана задохнулся под крышкой секретера, пытаясь отыскать словарь рифм.)

Кто мог предположить, что однажды в обеденный перерыв Нудельман остановится посмотреть, как сносят дом, и получит по голове чугунным шаром бульдозера? Удар вызвал сильный шок, и с широкой улыбкой на устах Нудельман скончался. Его последние слова навсегда останутся загадкой. Он прошептал: “Нет, благодарю, у меня уже есть один пингвин”.

В последние месяцы Нудельман работал, как обычно, сразу над несколькими вещами. Во-первых, разрабатывал новую этику. В ее основе лежала идея о том, что “добро и справедливость являются безусловными добродетелями, которые можно творить и по телефону”. Во-вторых, довел до середины большой труд по семантике, в котором доказывает, что структура предложения имманентна, а воя — благоприобретена (он всегда настаивал на этом). И наконец, еще одна книга о Холокосте. На этот раз с раскрасками. Нудельман неотступно размышлял о природе зла и убедительно доказывал, что источником подлинного зла могут быть только люди по имени Блэки или Пит. Заигры-

вания самого Нудельмана с национал-социализмом вызвали скандал в академических кругах, несмотря на то что ни специальная гимнастика, ни уроки танца так и не помогли ему освоить гусиный шаг.

Увлечение нацизмом было для Нудельмана всего лишь реакцией на классическую философию — что он и сам не раз пытался объяснить друзьям, а потом неожиданно хватал за нос и восклицал с чуть наигранным восторгом: “Опля, вот и попался!” Прежде чем критиковать его отношение к Гитлеру, следовало бы вникнуть в собственную философию Нудельмана. Он с самого начала отвергал современную онтологию и утверждал, что человек существовал еще до вечности, пускай и с небогатыми возможностями. Он различал бытие и Бытие и считал, что одно из них предпочтительнее, но никогда не мог вспомнить которое. Он полагал, что свобода человека заключается в понимании абсурдности жизни. “Бог молчит, — любил повторять Нудельман. — Как бы еще человека заставить заткнуться”.

Подлинное Бытие, утверждал Нудельман, достижимо только по выходным, даже если для этого надо взять машину напрокат. Человек, по его мнению, находится не вне, но внутри природы, и единственная возможность постичь свое бытие извне — это притвориться, что тебе все равно, а потом неожиданно

перебежать в другой конец комнаты, попытавшись хоть краешком глаза увидеть самого себя.

Применительно к жизни Нудельман использовал выражение *Angst Zeit*, что можно не вполне точно перевести как “время тревог”. Человек, полагал он, есть существо, приговоренное жить “во времени”, — где, впрочем, ничего не происходит. После долгих размышлений с присущей ему интеллектуальной честностью философ был вынужден признать, что его не существует, не существует также его друзей, и единственное, что существует в действительности, — это банковский долг Нудельмана в шесть миллионов марок. Стоит ли удивляться, что национал-социализм с его культом силы очаровал мыслителя, или, по собственному определению, “я заметил, что мне к лицу коричневые рубашки”? Впрочем, когда стало ясно, чем грозит национал-социализм самому Нудельману, он покинул Берлин. Замаскировавшись под куст боярышника и передвигаясь короткими перебежками, он сумел незамеченным пересечь границу.

По всей Европе, где бы ни оказался Нудельман, студенты и интеллектуалы почитали за честь помочь прославленному мыслителю. Чувствуя за спиной жаркое дыхание погони, он все же успел выпустить в свет “Время, смысл и действительность: новый

взгляд на проблему небытия” с прелестным приложением “Где перекусить, находясь в бегах”. Прочитав этот труд, Хаим Вейцман¹ и Мартин Бубер² организовали сбор подписей за разрешение Нудельману эмигрировать в США. К сожалению, в нью-йоркском отеле, который он выбрал, не оказалось свободных мест. Однако гестаповцы могли с минуты на минуту нагрянуть в его пражское убежище, и Нудельман все-таки решился лететь. При регистрации багажа обнаружился перевес. Альберт Эйнштейн, улетающий тем же рейсом, убедил Нудельмана, что если вынуть из ботинок распорки, можно будет все остальное взять с собой. С тех пор они регулярно переписывались. Однажды Эйнштейн написал Нудельману: “В сущности, мы с вами занимаемся одним и тем же, хотя я до сих пор и не очень понимаю, что вы делаете”.

Поселившись в Америке, Нудельман почти постоянно находился в центре общественных дискуссий. Именно в эти годы он опубликовал знаменитое “Не-

1 *Хаим Вейцман* (1874–1952) — первый президент Израиля с 1948 г., один из лидеров сионистского движения, целью которого было возвращение евреев на землю Израиля и воссоздание еврейского государства.

2 *Мартин* (Мардохай) *Бубер* (1878–1965) — еврейский религиозный философ и писатель, крупнейший деятель сионистского движения.

бытие: что делать, если это случилось с вами” и классический труд по лингвистической философии “Семантические модели функционирования пустоты”, по которому снят фильм “Улетевшие ночью” (он сделал тогда огромные сборы).

За симпатии к коммунистам Нудельмана, в духе времени, вынудили покинуть Гарвард. Он чувствовал, что подлинная свобода возможна только при отсутствии экономического неравенства, и приводил в пример муравейник. Он мог часами смотреть на муравьев и задумчиво бормотал: “Вот кто на верном пути. Будь их самки посимпатичнее — у них бы все получилось”. Любопытно, что, когда Нудельмана вызвали в Комиссию по расследованию антиамериканской деятельности, он назвал немало имен. Друзьям и коллегам он объяснил свое поведение так: “Я не раз утверждал, что политические акции не имеют моральных последствий, так как осуществляются вне подлинной реальности”. После чего научное сообщество утратило дар речи. Лишь через две недели Принстонский университет опомнился, и на Нудельмана обрушились ушаты грязи. Между прочим, позднее в беседе с двумя студентками Нудельман выдвинул тот же самый аргумент в пользу теории свободной любви. Однако студентки не купились, а младшая, которой было шестнадцать, пожаловалась в деканат.

Нудельман неумоимо боролся за прекращение ядерных испытаний и однажды лично прилетел в Лос-Аламос, чтобы вместе с группой студентов пикетировать предполагаемое место взрыва. Минута приближалась, и, когда стало ясно, что испытание не отменят, Нудельман, по свидетельствам очевидцев, пробормотал “ой-ой-ой” и бросился бежать. О чем газеты умолчали: в тот день он ничего не ел.

Все помнят Нудельмана в обществе, на публике. Блистательный, неизменно приветливый джентльмен, автор знаменитых “Стилей моды”. Но был и другой Нудельман, которого я до конца моих дней буду вспоминать с особой теплотой, — старина Сол в непрменной шляпе. Он был страстным любителем шляп. Его ведь и кремировали со шляпой на голове. Первый случай в истории, полагаю. А как он любил Диснея! Несмотря на великолепное разъяснение природы мультипликации, которое дал Макс Планк, Нудельман никогда не оставлял надежды познакомиться с женой Микки-Мауса.

Я знал, что он предпочитает особый сорт тунца. Всякий раз, когда Нудельман гостил у меня, я до отказа набивал холодильник его любимыми консервами. Сол был очень застенчив и никогда прямо не признавался в любви к тунцу, но однажды я был свидетелем, как он, уверенный, что его никто не видит,

Памяти Нудельмана

открыл все баночки и задумчиво произнес: “Все вы мои дети”.

Как-то раз, будучи в Милане, мы с Нудельманом и моей дочерью отправились в оперу. Нудельман неосторожно высунулся из ложи и упал в оркестровую яму. Он был слишком горд, чтобы признаться, что оплошал, и потом месяц каждый вечер ходил в оперу и падал из ложи в оркестр. Когда появились признаки сотрясения мозга, я высказал осторожное предположение, что, пожалуй, можно бы остановиться, ведь он уже доказал, что хотел. Нудельман ответил: “Ну, еще разок, и все”.

Вспоминаю его семидесятилетие. Жена подарила юбиляру пижаму. Было понятно, что он огорчен: он рассчитывал на новый “мерседес”. Однако — и в этом ясно виден весь человек — Нудельман лишь ненадолго ушел в кабинет, чтобы взять себя в руки. Он вернулся к гостям с улыбкой на лице и в новой пижаме. Так он и пошел на премьеру двух новых пьесок Аррабаля¹.

1 *Фернандо Аррабаль* (р. 1932) — французский писатель и драматург испанского происхождения.